

СЕРИЯ «ОЦИФРОВАННЫЙ ДРЕДНОУТ» • КНИГА 1

НЕЙТОН ПАТЧЕР

ОЦИФРОВАННЫЙ ДРЕДНОУТ

КАПИТАН ДРЕЙФУЮЩЕЙ ЦИТАДЕЛИ

LITRPG • КОСМИЧЕСКАЯ ФАНТАСТИКА • ВОЕВИК

Нейтон Патчер

**Оцифрованный Дредноут:
Капитан дрейфующей цитадели**

«Автор»

2026

Патчер Н.

Оцифрованный Дредноут: Капитан дрейфующей цитадели /
Н. Патчер — «Автор», 2026

Бескрайний космос не прощает ошибок. Простой пилот-мусорщик Глеб получает смертельную дозу радиации в поясе астероидов на задворках обитаемого космоса. Считая последние минуты жизни, он натывается на легендарный «Дредноут Забвения» — десятикилометровый флагман исчезнувшей расы Предтеч, брошенный миллионы лет назад. Чтобы обмануть смерть, Глеб решает на запретный шаг: загружает свое сознание напрямую в квантовый реактор линкора. Галактическая Система признает интеграцию, определяя колоссальный корабль как единого персонажа, а Глеба — как его бессмертную душу. Получив в распоряжение орудия антиматерии и автоматические нано-заводы, Глеб объявляет независимость сектора. Но жадные мегакорпорации уже выслали три армады крейсеров на захват древнего реликта. Космическая баталия века начинается! Читайте прямо сейчас!

© Патчер Н., 2026

© Автор, 2026

Нейтон Патчер

Оцифрованный Дредноут: Капитан дрейфующей цитадели

НЕЙТОН ПАТЧЕР

ОЦИФРОВАННЫЙ ДРЕДНОУТ:

КАПИТАН ДРЕЙФУЮЩЕЙ ЦИТАДЕЛИ

Серия «Оцифрованный Дредноут» • Книга 1

Глава 1. Доза на пределе

[Критическая ошибка маршевого двигателя №2]

[Утечка рабочего тела в контуре магнитного удержания]

[Внимание! Накопленная доза облучения оператора: 954.2 бэр]

[Статус биологического носителя: Острая лучевая болезнь IV степени. Необратимый цитолиз]

[Расчетное время сохранения сознания: 00:18:40]

Вкус крови во рту отдавал дешевой жостью и горелым текстолитом. Глеб Воронов с хрипом втянул воздух через растрескавшийся силиконовый загубник аварийной дыхательной маски, но вместо кислорода легкие обожгло сухим, едким холодом разгерметизированной кабины. Правый окуляр визора заливало бурой жижей: мелкие капилляры в глазном яблоке лопнули еще двадцать минут назад, когда магнитная ловушка реактора «Стрелы-4» приказала долго жить и окатила крошечную рубку потоком жесткого гамма-излучения.

Девятьсот пятьдесят четыре бэра.

В учебниках Военно-космической академии Третьего Директората, по которым Глеб когда-то зубрил основы радиационной безопасности, на этой отметке ставили лаконичный диагноз: «Смерть под лучом». Никаких шансов. Костный мозг превратился в кашу, лимфатическая система выгорела, а клеточные мембраны распадались быстрее, чем автоматическая аптечка успевала впрыскивать синтетические коагулянты и блокаторы боли.

Шприц-тюбик в правом набедренном кармане скафандра шелкнул в пятый раз за последний час. Очередная порция нейропротектора и боевого стимулятора «Фантом-Д» ударила в бедренную вену. Перед глазами вспыхнула ядовито-зеленая искра, на пару мгновений отодвинув липкую темноту, сжимавшую виски ледяными тисками.

— Держись, старик... Еще немного, — прошептал Глеб. Собственный голос показался ему чужим, булькающим, доносящимся со дна глубокого колодца.

Челнок-утилизатор «Стрела-4» умирал. Старая рабочая лошадка мусорщиков, склепанная из списанных бронелистов фрегатов времен Первой Сингулярной войны, больше походила на бесформенный обрубок шлака. Левая дюза маневрового блока превратилась в оплавленный кратер после взрыва катушки Тесла. Носовой сектор смяло ударом блуждающего микрометеорита. Навигационная консоль искрила, выплевывая в промерзший воздух каскады алых предупреждений.

[Отказ маневровых гироцинов]

[Траектория падения: неконтролируемое сближение с объектом «Аномалия Т-901»]

[Дистанция до расчетной точки столкновения: 42 километра]

[Относительная скорость: 480 м/с]

Пояс Саргассов в секторе Тау-9 не прощал ошибок. Это кладбище погибших миров и разбитых флотов растянулось на два миллиарда километров вдоль ледяного венца Криоса — колоссального ультрамаринового гиганта, чьи метановые вихри и кольца из замороженного азота отражали тусклый свет далекой угасающей звезды. Сюда стекались отбросы галактики: беглые каторжники, пираты «Синдиката Ржавчины» и вольные старатели вроде Глеба.

Только вот Глеб Воронов, позывной «Вектор», искал здесь не обломки грузовых барж с технической медью. Бывший старший инженер-навигатор ВКС Директората, три года назад разжалованный и списанный на гражданку за отказ выполнить преступный приказ по уничтожению орбитального поселения мятежников, пришел за легендой.

Две недели назад его портативный субпространственный сканер зафиксировал гравитационную тень невероятной плотности в тени астероида А-7714. Объект не излучал тепла, не отзывался на стандартные радиозапросы и искривлял световые лучи, словно карманная черная дыра.

И вот теперь эта тень заслонила собой всю панораму лобового бронестекла.

— Не астероид... — выдохнул Глеб, кашляя кровью в фильтр. — Создатель всемогущий, это не камень...

Астероид А-7714 был лишь маскировочной коркой. Веками налипавшие слои силикатной пыли, космического льда и обломков метеоритов начали осыпаться под гравитационным воздействием приближающейся «Стрелы».

Из-под черного базальтового панциря проступала титаническая конструкция.

Она не была построена человеческими руками. Даже имперские линкоры типа «Владыка», флагманы Директората, выглядели бы жалкими шлюпками рядом с этим монолитом. Черно-фиолетовый композит, поглощавший свет без единого блика, формировал циклопический клиновидный корпус с резкими гранеными плоскостями, уходящими вдаль на километры. Никаких внешних антенн, никаких иллюминаторов. Только гигантские концентрические террасы орудийных башен размером с пятиэтажные дома и глубокие щели охладительных траншей, мерцающие тусклым, едва уловимым индиговым светом.

[Внимание! Обнаружен объект неизвестной архитектуры]

[Геометрические параметры: Длина — 10 420 м, Ширина — 2 850 м, Высота — 1 940 м]

[Расчетный класс: Сверхтяжелый дредноут / Командная Цитадель]

[Материал обшивки: Квазикристаллический нейтринный сплав. Сканирование невозможно]

[Возраст объекта (по радиоуглеродному распаду налипшей породы): 140 000+ лет]

— Сто сорок тысяч лет... — прохрипел Глеб, судорожно вцепившись пальцами в погнутые рычаги ручного управления вектором тяги. — Проект «Эгида». Легенда Бездны...

Каждый офицер навигационной службы слышал обрывки мифов о Древних. О расе Предтеч, которая возводила мобильные крепости для борьбы с тем, чему в современных языках не было даже названия. И этот колосс дрейфовал здесь, на самом краю изученного космоса, пока цивилизации рождались, превращались в звездную пыль и забывали свои истоки.

Но восхищаться величием древних конструкторов не оставалось времени.

Челнок несся прямо в стальную стену верхнего бронепояса. Скорость сближения не оставляла шансов: через восемьдесят секунд «Стрела-4» расплющится о глухую броню, пре-

вратившись в микроскопическое пятно расплавленного алюминия на непробиваемой шкуре мертвого левиафана.

— Ну же, давай, думай, инженер! — Глеб ударил кулаком по искрящей консоли.

Пальцы в толстых термоперчатках плохо слушались. Чувствительность в кончиках рук пропала еще на подходе к поясу Криоса. Нервные окончания отмирали. В ушах нарастал монотонный гул — верный спутник массивного кровоизлияния в мозг.

Глеб переключил сенсоры в режим пассивной гидроакустической интерферометрии — старый трюк флотских навигаторов, позволяющий искать структурные пустоты под тяжелой броней.

Экран мигнул, покрылся серой сеткой помех и выдал схематичный разрез носовой оконечности исполина.

Там, на глубине сорока метров под монолитными плитами, зияла каверна. Главный посадочный док малых выпелов. Колоссальный зев шлюзовой камеры, закрытый массивными створками бронезатворов шириной не менее трехсот метров.

Но створки не были заперты наглухо. Между ними оставалась узкая, изломанная щель — не более двадцати метров в поперечнике. Словно когда-то, миллионы часов назад, шлюз пытался захлопнуться перед лицом катастрофы, но заклинил, скованный взрывной декомпрессией или отказом древних приводов.

— Двадцать метров. У меня размах стабилизаторов шестнадцать, — Глеб оскалил окровавленные зубы. — Проскочим со свистом. Если не размажет о кромку.

[Дистанция: 12 км. Время до соударения: 25 секунд]

[Включение аварийного прожига маневровых сопел]

[Остаток топлива: 4%]

Глеб рванул рукоять маршевого реверса на себя. Остатки перегретого дейтерия хлынули в полуразрушенную камеру сторания единственного уцелевшего правого сопла. «Стрелу» чудовищно потрянуло. Ремни безопасности врезались в ключицы с такой силой, что Глеб услышал отчетливый треск ломающейся кости. Боль полоснула по плечу огненным кнутом, но стимуляторы уже превратили тело в онемевший кусок мяса, неспособный на полноценный шок.

Нос челнока задрался, вектор падения сместился на четыре градуса вправо.

Прямо в темную, не знавшую тепла бездну полуоткрытого шлюза.

Впереди стеной встал монолит. Глеб успел разглядеть циклопическую фактуру бронеплит: они напоминали чешую доисторического ящера, каждая пластина толщиной в несколько метров, покрытая глубокими бороздами от ударов кинетических снарядов и следами испарившегося металла. Следы древней битвы, бушевавшей здесь задолго до того, как на Земле первые гоминиды взяли в руки заостренные камни.

Черная щель шлюза распахнулась перед носовым обтекателем, словно пасть левиафана.

— Вход! — выкрикнул Воронов.

Грохот разорвал остатки тишины в кабине. Правое крыло челнока задело титаническую кромку внешнего бронезатвора. Шестнадцатимиллиметровый сплав обшивки «Стрелы» срезало, как фольгу, снопом ослепительно-белых искр. Корпус закрутило вокруг продольной оси. Лобовое бронестекло мгновенно покрылось паутиной трещин, изнутри брызнули осколки поликарбоната.

Кабина окончательно потеряла давление. Вакуум выкачал последние остатки тепла, температура в ложементе рухнула до минус ста семидесяти градусов. Жидкость в лопнувших сосудах глаз начала закипать, застывая взор мутной белесой пленкой.

Но инерция сделала свое дело.

Обезображенная, лишенная крыльев и хвоста туша челнока влетела во внутреннее пространство приемного ангара.

Здесь не было пустоты. Датчики давления на уцелевшей панели чудом зафиксировали плотную, разреженную среду: смесь аргона, радона и следов тяжелых углеводородов, запечатанную во чреве мертвого корабля на десятки тысячелетий. Трение этой древней атмосферы начало тормозить скользящий по направляющим направляющим палубы челнок.

Скрежет металла о плиты пола звучал подобно предсмертному воплю чудовища. Обломки «Стрелы-4» пропахали полукилометровую борозду по полированному черному камню посадочной палубы, выбивая миллионы искр, пока корабль не врезался в массивную опору древнего погрузочного крана.

Удар был страшен. Ложемент сорвало с креплений. Глеб вылетел вперед, пробил головой остатки приборной доски и рухнул на палубные плиты, пока остатки рубки складывались в гармошку позади него.

Тишина.

Абсолютная, мертвая тишина космической гробницы, нарушаемая лишь свистом утекающего из баллона скафандра кислорода и тяжелым, хриплым дыханием умирающего человека.

[Критическое падение давления в системе жизнеобеспечения скафандра]

[Остаток дыхательной смеси: 0.18 атм. Ресурс: 4 минуты]

[Внимание! Внутреннее кровотечение в плевральной полости]

[Пульс: 185 уд/мин. Давление: 60/30]

[Рекомендуется немедленная госпитализация в реанимационный комплекс]

Глеб слабо усмехнулся разбитыми губами. Медицинский компьютер скафандра сохранял бюрократическую невозмутимость даже тогда, когда шансы на выживание стремились к математическому нулю.

— Спасибо за совет, консервная банка... — выдохнул он, сплевывая на внутреннее стекло шлема сгусток темной венозной крови. — Сейчас вызову «скорую»... по межпространственной связи...

Оперевшись дрожащими руками о шершавый черный пол, он с невероятным усилием приподнялся на колени.

Каждое движение отзывалось тупой, разрывающей болью в сломанных ребрах. Но адреналиновый коктейль, впрыснутый стимулятором на пороге клинической смерти, еще удерживал остатки сознания в фокусе.

Глеб поднял голову и огляделся.

Масштабы ангара подавляли. Высота сводов терялась в темноте где-то на уровне ста пятидесяти метров. Циклопические несущие пилоны, шестигранные в сечении, уходили вверх, напоминая колонны титанического кафедрального собора. На полу, покрытом тонким слоем вековой космической пыли, виднелись контуры гигантских посадочных площадок, способных принять сотни тяжелых штурмовиков или эсминцев сопровождения.

Никаких тел. Никаких скелетов или следов паники.

Корабль не погибал в агонии пожаров. Он просто заснул. Застыл во времени, выключил двигатели и погрузился в летаргический сон среди безмолвных колец Криоса, ожидая конца Вселенной.

И посреди этой циклопической пустоты что-то пульсировало.

В глубине ангара, у дальней монолитной стены, сквозь пылевую взвесь пробивался слабый, прерывистый изумрудный луч. Он исходил от массивного купольного терминала, возвышавшегося на трехступенчатом постаменте перед громадными бронированными дверями, ведущими во внутренние галереи цитадели.

[Зафиксирован активный электромагнитный импульс]

[Частота несущей: когерентный квантовый резонанс]

[Источник: локальный субтерминал распределения энергосети]

[Дистанция: 110 метров]

Сто десять метров. Для здорового тренированного бойца — десять секунд бега. Для человека с разmozженным плечом, внутренним кровотечением и дозой радиации, превращающей внутренности в пепел — дистанция марафонского забега сквозь адское пламя.

Глеб сжал зубы так, что послышался хруст эмали.

Он не собирался подышать в обломках ржавого челнока, словно раздавленный жук. Если судьба притащила его сюда, на борт древнейшего реликта галактики, он хотя бы коснется его тайн перед тем, как сердце сделает свой последний удар.

Преодолевая гравитацию, которая казалась свинцовой из-за слабости мышц, Глеб поднялся на ноги.

Шаг. Подошва магнитного ботинка гулко ударила по древнему сплаву.

Второй шаг. Перед глазами поплыли цветные круги, переходящие в серую рябь.

Третий. Колено подогнулось, и он едва не рухнул лицом вниз, успев выставить здоровую руку и опереться о выступ покореженной посадочной фермы.

[Ресурс дыхательной смеси: 0.08 атм. 2 минуты]

[Сердечная аритмия. Угроза фибрилляции желудочков]

— Плевать, — прохрипел Воронов. — Плевать на вас всех... На Директорат... На трибунал... На дозу...

Он шел вперед. Следы его ботинок оставляли четкие отпечатки на тысячелетней пыли палубы — первые следы разумного существа за сотню с лишним тысяч лет. Из треснувшего рукава скафандра на пол падали черные капли замерзающей крови.

С каждым шагом изумрудный свет терминала становился ярче.

Теперь Глеб видел детали конструкции. Постамент был выполнен из цельного куска полупрозрачного темно-зеленого материала, напоминающего искусственный нефрит. Внутри камня вились тончайшие золотые капилляры сверхпроводников, по которым медленно, словно ленивые светлячки, перетекали одиночные кванты энергии.

Сам терминал представлял собой усеченную призму с гладкой наклонной гранью. Над ней висела голограмма: сложный фрактальный узор из трех пересекающихся спиралей, вращающихся в разных плоскостях.

По мере приближения Глеба вращение спиралей начало ускоряться.

Древняя автоматика корабля почувствовала присутствие живой материи.

Когда до терминала оставалось пять шагов, ноги окончательно отказали. Глеб рухнул на колени прямо на первую ступень нефритового постамента. Удар выбил остатки воздуха из легких. Шлем стукнулся о камень. Визор покрылся паутиной глубоких трещин.

[Критический сбой жизнеобеспечения]

[Остановка дыхания через: 30 секунд]

[Сознание угасает...]

Мир вокруг стремительно терял краски, погружаясь в ледяную черную топь. Глеб уже не чувствовал холода, не чувствовал боли в переломанных костях. Осталась только звенящая, давящая пустота на затылке и последняя мысль, бившаяся в угасающем мозге: «Дошел. Я все-таки дошел».

Собрав последние крохи угасающей воли, преодолевая агонию парализованных конечностей, Глеб поднял правую руку. Пальцы сорвали перчатку — обнаженная кожа мгновенно покрылась кристаллами инея от контакта с промерзшей атмосферой ангара.

Он протянул ладонь вперед и опустил ее на холодную, вибрирующую поверхность изумрудной призмы.

В тот же миг тишина мертвого исполина взорвалась.

[Обнаружен органический интерфейс прямого контакта]

[Инициация протокола экстренной аутентификации]

[Сканирование нейронной структуры...]

[Внимание! Биологический носитель критически поврежден. Вероятность летального исхода: 99.8%]

[Запуск протокола аварийного сохранения командного ядра...]

Изумрудный свет терминала вспыхнул с такой силой, что пробил сомкнутые веки Глеба, залив сознание ослепительным пламенем. Из глубины постамента вырвались тонкие, светящиеся нити фотонных зондов. Они прошли ткань скафандра, вонзились в ладонь, в предплечье, потянулись вдоль нервных стволов прямо к основанию черепа.

Глеб распахнул рот в беззвучном крике.

Это не было болью в привычном понимании. Это было ощущение того, как саму его суть — память, мысли, страхи, детский смех, вой сирен гибнущего челнока и формулы гиперпространственных переходов — выдергивают из угасающей плоти и раскладывают на элементарные квантовые биты.

Где-то далеко внизу, под километрами мертвой брони, в самых темных глубинах цитадели, с глухим, тектоническим стоном провернулся первый маховик древней системы энергоснабжения.

Левиафан просыпался.

И платой за его пробуждение была жизнь человека по имени Глеб Воронов.

Сознание навигатора захлестнула сияющая сингулярность, смывая биологическую смерть в ослепительном потоке машинного возрождения.

[Биологическая дезинтеграция: подтверждена]

[Загрузка сознания в буфер квантовой матрицы: 1%]

[Добро пожаловать на борт, Архитектор]

Глава 2. Протокол Сингулярности

Воздух в командном отсеке супердредноута пах жженым текстолитом, медным привкусом закипающей крови и ядовитым, обжигающим носоглотку ледяным озоном. Глеб Воронов хрипел, судорожно втягивая остатки кислородной смеси через разбитый загубник скафандра. С каждым вдохом в груди словно проворачивали горсть ржавых гвоздей. Он размазывал по потрескавшемуся забралу шлема темно-бордовые сгустки, но оптический слой шлема уже ничем нельзя было спасти — паутина микротрещин дробила тусклый аварийный свет на тысячи кровавых искр.

Каждое движение стоило нечеловеческих усилий. Мышцы налились свинцовой тяжестью, суставы горели адским огнем, а в ушах стоял непрекращающийся низкочастотный гул. Дозиметр на правом предплечье тяжелого штурмового костюма выл монотонным, похоронным зуммером, захлебываясь в собственной тревоге. Крошечный жидкокристаллический экран заливало ядовитым багровым сиянием.

Девятьсот пятьдесят бэр.

Для человеческого организма, даже усиленного армейской генной терапией и под завязку накачанного боевыми стимуляторами третьего ранга, это был смертный приговор без права на обжалование. При такой дозе радиации биологическая жизнь исчислялась минутами. Клетки стремительно разрушались, спирали ДНК рвались в клочья, превращая внутренности в сплошную кровоточащую кашу, а костный мозг выгорал дотла. Внутреннее кровоотечение уже заливало брюшную полость. Глеб прекрасно знал полевую медицину космофлота: жить ему оставалось от силы минут пятнадцать, если повезет потерять сознание раньше, чем начнется агония болевого шока.

— Ну давай... шевелись, кусок мертвого мяса, — прохрипел Глеб сквозь стиснутые, крошащиеся зубы, волоча парализованную правую ногу по наклонной палубе мостика.

Под подошвами магнитных ботинок глухо стонал металл. Пол был усыпан обломками кристаллических плат, оплавленными сегментами оптических шин и слоем серого пепла. Еще

три часа назад их было семеро. Разведывательный корвет «Стремительный» наткнулся на этот колоссальный приз на самой закраине неисследованного сектора Тау-9 — в мертвой зоне, куда даже вольные торговцы и рейдеры Синдиката Ржавчины заглядывали лишь в кошмарных снах. Когда корвет раздавило гравитационной аномалией аккреционного диска, штурмовой катер успел пробить аварийный шлюз гиганта.

Они думали, что сорвали величайший куш в истории человечества. Они нашли легенду.

Супердредноут «Левиафан-01». Корабль-призрак исчезнувшей расы Предтеч. Десять километров монолитной брони из неизвестного сплава титана, вольфрама и фазового композита. Циклопическая цитадель, способная в одиночку выжигать звездные системы и стирать в космическую пыль планетарные флотилии.

Но цитадель не была пустой. Древняя защитная система периметра, спавшая миллионы лет, пробудилась от чужого присутствия. Смертоносные плазменные дуги вспороли коридоры шлюзового уровня в долю секунды. Сержант Ванеев испарился вместе с тяжелым штурмовым щитом, от техника Киры осталась лишь горсть пепла, а лейтенанта Костю разорвало гравитационным сдвигом на глазах у Глеба. Самого Воронова ударная волна швырнула в вертикальную шахту охлаждения реактора субсветового марша. Защитные экраны там были давно сорваны, и девятьсот пятьдесят бэр жесткого ионизирующего излучения впились в его тело безжалостными невидимыми когтями.

Он был единственным, кто смог доползти сюда. До святая святых корабля — главного командного отсека.

Это помещение поражало воображение своим нечеловеческим масштабом. Потолок мостика терялся во тьме на высоте пятидесяти метров. Стены представляли собой исполинские экраны из поляризованного черного кристалла, по которым змеились затухающие изумрудные руны. В воздухе висели неподвижные голографические призмы, заполненные застывшими трехмерными картами незнакомых звездных скоплений. В центре этого мертвого пантеона, на возвышении из полированного обсидиана, покоился объект, ради которого империя отдала бы целые колониальные миры.

Аварийный саркофаг Предтеч.

В отличие от грубых человеческих криокапсул, саркофаг выглядел как ожившее произведение мрачного космического искусства. Трехметровый обелиск из переливающегося черного минерала, не отражающего свет, пульсировал изнутри глухим, потусторонним сапфировым свечением. По его граням струились бесконечные цепочки клинописных символов, вспыхивающих в такт какому-то неведомому космическому ритму. В центре монолита зияла вертикальная ростовая ниша, из глубины которой, словно металлические нервы, тянулись тысячи тончайших нейрооптических игл и кристаллических филаментов.

Когда Глеб, спотыкаясь и роняя на пол капли собственной крови, рухнул на колени перед постаментом и судорожно прижал ладонь в закопченной бронеперчатке к гладкой плите консоли, мертвый зал содрогнулся.

Где-то в неизмеримых глубинах корабля завывли сервоприводы. По полу пробежала мощная вибрационная волна, сбивая с потолочных перекрытий хлопья вековой металлической пыли.

[Внимание! Зафиксирован биологический объект класса «Гуманоид»]

[Диагностика физического состояния: Терминальная стадия лучевой деградации]

[Поглощенная доза ионизирующего излучения: 954.7 бэр]

[Некроз внутренних органов: 78.2%]

[Отказ жизненно важных систем носителя через: 00:08:14]

[Инициализация аварийного протокола экстренной преемственности...]

Голос не звучал через динамики шлема или внешнюю акустику. Он прогремел прямо в черепной коробке Глеба, вибрируя на частоте его собственного затухающего сознания. Это был синтез тысяч холодных, безупречно точных металлических голосов, лишенных жалости, сострадания и страха.

Перед глазами штурмана вспыхнула проекция системного интерфейса. Буквы и пиктограммы на мгновение предстали в виде чужих, геометрически невозможных фракталов, но встроенный в затылочную кость армейский нейрочип-переводчик взвыл от перегрузки, нагревая кость черепа, и с треском перевел чужой код на имперский общевойсковой стандарт.

[Запуск системного протокола: «Омега-Сингулярность»]

[Текущий статус флагмана «Левиафан-01»: Катастрофический]

[Общий уровень энергоснабжения: 0.04 %]

[Автономия внутренних систем: 0.00 %]

[Главный кристаллический кластер управления уничтожен в Битве у Врат Предела]

[Корабль находится в неуправляемом баллистическом дрейфе]

[Гравитационный захват планеты Криос: 84.6 %. Время до входа в плотные слои атмосферы: 18 часов 42 минуты]

[Позиция Командора вакантна]

[Поиск совместимого органического носителя для восстановления управляющей матрицы...]

Глеб захлебнулся кашлем. Темный стусок забил дыхательный клапан, перед глазами поплыли черные круги, утягивая его в спасительное небытие. Но дикая, бешеная ярость, державшая его на ногах все пять лет службы в штурмовых частях фронта, не позволила отключиться. Он вцепился пальцами в край obsidianовой панели, сдирая ногти сквозь порванную перчатку.

— Давай... сканируй, грома древнего хлама! — прорычал он в пустоту темного зала. — Чего ты ждешь?!

Из саркофага вырвался сноп голубоватого лазерного излучения. Тонкие лучи прошлись по его телу, мгновенно просвечивая скафандр, плоть, скелет и нервные узлы.

[Сканирование претендента завершено]

[Анализ когнитивной структуры: Воронов Глеб Александрович, 28 лет]

[Психоэмоциональная стабильность в условиях экстремального стресса: 99.1 %]

[Коэффициент нейропластичности синапсов: 89.7% (минимальный порог: 84.0%)]

[Резонанс воли: Высокий]

[Совместимость с ядром темной материи подтверждена]

В воздухе перед Глебом зависла мерцающая багровая рамка системного диалога. Символы в ней пульсировали тревожным предупреждающим ритмом.

[Запрос системы: Претендент Воронов Глеб, подтверждаете ли вы инициацию протокола Квантовой Синхронизации?]

[Предупреждение! Процедура является абсолютно необратимой]

[Биологическое тело претендента подлежит полной аннигиляции и деконструкции на атомном уровне для извлечения энграмм памяти, психоматрицы и волевого вектора]

[Шанс успешной интеграции сознания в кристаллическую матрицу антиматерии: 14.8 %]

[Вероятность критического коллапса личности и рассеивания сознания: 85.2 %]

[Оставшееся время до биологической смерти претендента: 52 секунды]

Четырнадцать и восемь десятых процента. Почти верная смерть. В девяти случаях из десяти его сознание просто разорвет в клочья квантовыми потоками, превратив мысли и память в бесполезный шум на кремниевых кристаллах.

Глеб посмотрел на свои руки. Сквозь дыры в термокостюме было видно, как с пальцев лохмотьями сползает почерневшая кожа. Кровь сочилась из пор, зрение стремительно угасало, превращая мир в серый туман. Девятьсот пятьдесят бэр доедали его тело без остатка. У него не было выбора. Не было пути назад. Там, позади, лежали трупы его боевых товарищей, а впереди была либо вечная тьма забвения, либо нечто, превосходящее человеческое воображение.

Он родился в трущобах индустриального улья на окраине обитаемого космоса. Всю жизнь им помыкали сержанты, офицеры, корпоративные эмиссары и генералы, бросавшие пехоту в мясорубку ради процентов прибыли. Теперь сама Вселенная, усмехаясь, бросала ему кости.

«Если уж подышать, то не гниющим куском мяса на ржавом полу», — мелькнула ясная, кристально чистая мысль.

— Подтверждаю, черт тебя дери! — рявкнул Глеб, собрав последние силы угасающего тела. — Протокол «Сингулярность»! Запускай квантовую передачу!

[Команда принята Командором]

[Аварийный протокол «Сингулярность» задействован]

[Фиксация биологического объекта...]

Воздух с шипением рассекли сотни тончайших хромированных жгутов. Прежде чем Глеб успел моргнуть, металлические щупальца саркофага метнулись вперед. Они пробили керамические плиты штурмового костюма с легкостью швейных игл. Один зонд с хрустом вошел под затылочный бугор, пронзая ствол головного мозга. Второй пробил грудную клетку прямо между ребер, намертво зажимая бьющееся в аритмии сердце. Десятки микроигл вонзились в запястья, колени, позвоночный столб, перехватывая нервные сигналы до того, как они успевали дойти до угасающего мозга.

Глеб открыл рот в беззвучном крике, но связки уже не повиновались.

Боль была нечеловеческой. Это не походило на физическую рану. Его не резали и не жгли — саму ткань его реальности, саму суть его биологического бытия начали разбирать атом за атомом.

[Фаза 1: Молекулярная деконструкция органического субстрата]

[Считывание синаптической карты коры головного мозга: 14%... 38%... 71%...]

[Болевой порог превышен в 19 раз]

[Подавление болевых рецепторов заблокировано: для сохранения стабильности нейросети требуется предельное напряжение волевого вектора]

[Внимание: потеря костной ткани — 45%, мышечной ткани — 68%]

Глеб опустил взгляд и застыл в оцепенении. Его тело растворялось. Руки, ноги, торс рассыпались на миллиарды сверкающих лазурных и серебряных искр, образуя светящийся вихрь. Пылинки его плоти втягивались в кристаллические капилляры саркофага, наполняя его грани ослепительным внутренним пламенем. Воспоминания вырывались из глубин памяти с жестокой обнаженностью: холодные бараки учебки, запах оружейного масла, свист шрапнели над траншеями планеты Тарсис, лицо матери, которую он не видел пятнадцать лет, первый космический прыжок... Все это сжималось, перекодировалось, трансформировалось в бесконечные цепочки уравнений, в потоки чистой квантовой информации.

Он больше не чувствовал холода командного мостика. Не чувствовал радиационной тошноты. Он больше не дышал — дышать было нечем, легкие распались на элементарные частицы.

А затем исчезло и зрение. Наступила абсолютная, первозданная тьма. Пустота, в которой не существовало ни времени, ни пространства, ни звука.

«Я умер?» — шепнула мысль, эхом отдаваясь в вакууме.

И в этот момент в самом сердце пустоты родилась сверхновая.

[Фаза 2: Квантовая суперпозиция энграмм]

[Интеграция когнитивной матрицы в кристаллическое ядро антиматерии...]

[Критический сдвиг фазовых гармоник: 6.8%]

[Откат матрицы... Удержание волевым усилием субъекта...]

[Синхронизация нейросети: 88%... 94%... 99.9%...]

[Статус: Сознание успешно оцифровано]

[Биологическая форма субъекта полностью дезинтегрирована]

[Добро пожаловать в вечность, Командор Воронов]

Глеб не открыл глаза — у него больше не было глаз. Но он прозрел.

Его сознание хлынуло по миллионам сверхпроводящих шин, световодов и гравитационных волноводов, заполняя циклопическое тело супердредноута. Это было рождение бога, закованного в миллионы тонн мертвого титана.

Масштаб нового бытия обрушился на него сокрушительной лавиной данных. Смертный разум нормального человека должен был мгновенно сгореть в этом океане телеметрии, но кристаллическая матрица антиматерии служила безупречным фильтром и ускорителем, обрабатывая триллионы терафлопс в наносекунду.

Он почувствовал себя. Целиком.

Десять километров длины. Два с половиной километра бронированного клина в ширину. Высота в полтора километра — шестьсот палуб, переплетенных бесконечными лабиринтами технических тоннелей, гидропонных садов, превратившихся в ледяные склепы, пустых ангаров, способных вместить в себя целые дивизии, и гигантских орудийных колодцев.

Миллиарды тонн композитной брони, армированной гравитационными стабилизаторами.

Но это циклопическое тело было изранено, изувечено и балансировало на краю окончательной гибели.

Глеб физически ощутил страшные шрамы корабля. На правом борту зияла трехсотметровая каверна — след попадания древней плазменной торпеды невероятной мощи. Металл там застыл безобразными сталактитами, силовые кабели висели обугленными плетями, а отсеки были запечатаны тяжелыми аварийными переборками. Он почувствовал мертвый холод артиллерийских палуб, где в глубоком анабиозе покоились гигантские спаренные орудия главного калибра — башни размером с городские кварталы, чьи стволы могли посылать снаряды сквозь ткань подпространства.

Он почувствовал пустоту внешнего космоса. Температура в минус двести семьдесят градусов Цельсия гладила внешние сенсорные пластины его брони. Микрометеориты, летящие сквозь пояс астероидов, крошечными уколами отзывались на внешней обшивке правого курсового спонсона.

И самое страшное: он почувствовал неодолимое, удушающее притяжение.

Внизу, заполняя собой половину оптического горизонта его внешних лидаров, медленно и величественно вращался ледяной газовый гигант Криос. Колоссальные вихри лазурного метана и белого аммиака кружили в вечном шторме. Гравитационный колодец планеты мертвой хваткой вцепился в инертную тушу десятиметрового исполина. Без тяги маршевых двигателей, без маневровых масс-драйверов «Левиафан-01» падал.

Каждую секунду он терял высоту. Невидимые щупальца планетарной гравитации тянули мертвого титана в бездну, где чудовищное давление сплющит десятиметровую броню, словно пустую жестяную банку.

[Внимание! Предупреждение о баллистической нестабильности]

[Высота над верхней границей тропосферы Криоса: 4 120 километров]

[Скорость снижения орбиты: 18.4 метра в секунду с прогрессирующим ускорением]

[Расчетное время до контакта с плотными слоями атмосферы: 16 часов 11 минут]

[При входе в атмосферу: разрушение внешних надстроек через 4 минуты, полный коллапс силовой структуры через 12 минут]

[Резерв аварийного питания ядра антиматерии: 0.03%]

[Требуется немедленная инициация протоколов выживания]

«Я... здесь. Я мыслю. Я существую», — сформулировал Глеб, ощущая, как внутри кристаллического ядра пульсирует искра его человеческого «я».

В нем не осталось ни капли страха. Биологическая паника, вызванная гормонами надпочечников, исчезла вместе с телом. Осталась лишь ледяная, абсолютная решимость и холодный тактический расчет. Он умирал в грязи и крови, но теперь получил второй шанс. Шанс стать владыкой этой дрейфующей цитадели.

Но чтобы выжить, мертвому исполнину требовалось биение сердца.

Нужно было разбудить реактор. Подать энергию в иссохшие жилы силовых магистралей. Вернуть к жизни турели, сенсоры и ремонтные фабрики.

«Левиафан, статус суб-ядерного реактора», — мысленно приказал Глеб, активируя командную шину высшего приоритета.

[Приказ принят, Командор]

[Диагностика реакторного отсека номер 1...]

[Критический сбой магнитных ловушек]

[Топливные стержни обеднены на 91.2%]

[Шанс детонации при холодном пуске: 43.7%]

[Ожидание подтверждения на запуск реактора...]

Глеб взглянул своими новыми оптическими глазами на бескрайнюю звездную бездну сектора Тау-9. Где-то там рыскали пиратские флоты, патрулировали крейсеры жадных корпораций и горели чужие звезды. Но сейчас его война шла не с ними.

Его война шла за самую жизнь этой спящей громады.

— Запустить предстартовую накачку магнитных ловушек, — отдал он свой первый мысленный приказ в качестве оцифрованного разума дредноута. — Мы не сгорим в этой ледяной дыре. Запуск!

Глава 3. Первое биение реактора

Человеческий разум не был приспособлен к тому, чтобы ощущать себя десятикилометровым монолитом из закаленного титана, вольфрама и фазового композита.

Первые секунды после оцифровки сознания Глеба Воронова превратились в сущий кошмар сенсорной дезориентации. Фантомные рефлексy плотского тела отказывались умирать. Инстинкты требовали сделать вдох, расширить грудную клетку, почувствовать биение сердца в ребрах и тепло крови в кончиках пальцев. Но вместо вдоха мозг наткнулся на бесконечные километры безмолвных технических тоннелей.

Вместо легких у него были сотни тысяч законсервированных кислородных рециркуляторов, углекислотных скрубберов и атмосферных нагнетателей, раскиданных по шестистам палубам. Сейчас они молчали, забитые многовековой пылью и ледяным инеем.

Вместо вен и артерий через все его циклопическое тело тянулись миллионы километров гидравлических магистралей, охлаждающих контуров с жидким натрием и гелием, а также сверхпроводящие шины из мономолекулярного золота и графена. Давление в них равнялось нулю. Жидкости застыли, превратившись в вязкий гель от космического холода.

Вместо кожи — метровая композитная броня, покрытая абляционной керамикой и укрепленная силовыми каркасами из гиперплотного карбида. И эта «кожа» чувствовала всё. Каждый микрометеорит весом в долю грамма, впивавшийся во внешнюю обшивку на скорости в тридцать километров в секунду, отзывался крошечным электрическим уколом в периферийных сенсорах. Минус двести семьдесят градусов внешнего вакуума омывали его исполинские бока невыносимо чистым, колючим холодом, а на правом траверзе ласково и смертоносно давило тепловое излучение близлежащего аккреционного диска Криоса.

Вместо глаз — десятки тысяч мультиспектральных камер, фазированных антенных решеток, подпространственных лидаров и тепловизоров. Они смотрели во все стороны одновременно. Глеб видел одновременно бездонный космос над «спиной» дредноута, бездну завихрений ледяного гиганта под «брюхом», мертвые орудийные башни главного калибра и внутренности темных коридоров, где медленно кружили в невесомости замороженные до звона обломки металла.

Рассудок спасло лишь то, что кристаллическая матрица антиматерии мгновенно взяла на себя фильтрацию данных. Нечеловеческая вычислительная мощь древнего артефакта гасила панические приступы, переводя хаос ощущений в строгие математические матрицы и структурированные системные потоки.

И тут перед внутренним взором Глеба распахнулось золотисто-лазурное марево системного интерфейса.

[Инициализация протокола нейро-адаптации завершена]

[Архитектура сознания стабилизирована в кристаллическом носителе]

[Коэффициент слияния с вычислительными сетями корабля: 94.2%]

[Производится расчет базового статуса Командора...]

[Внимание! Зафиксировано уникальное слияние биологической воли и архитектуры Предтеч]

[Присвоение системного статуса...]

[Получен уникальный класс: Живое Ядро Цитадели (Ранг 1)]

Перед Глебом развернулись длинные столбцы системных параметров, оформленные в строгой стилистике древней воинской касты.

[Класс: Живое Ядро Цитадели — Ранг 1]

[Носитель: Глеб Воронов (Оцифрованный)]

[Объект привязки: Супердредноут типа «Владыка Пустоты», бортовой номер «Левиафан-01»]

[Класс судна: Дредноут Прорыва / Передвижная Планетарная База]

[Линейные размеры: Длина 10 240 м, Ширина 2 650 м, Высота 1 480 м]

[Целостность силовой структуры корпуса: 11.8%]

[Энергетический баланс: 0.02% (критическое истощение конденсаторов ядра)]

[Резерв квантовых вычислений: 120 000 / 120 000 Тфлопс]

[Тактический командный пул: 100 / 100 единиц Воли]

[Пассивные эффекты класса:]

— «Стальной Рассудок»: Иммуитет к ментальным атакам, панике и когнитивным перегрузкам. Скорость обработки тактических данных увеличена на 300%.

— «Сенсорное Единство»: Способность ощущать повреждения корпуса как собственные физические ощущения, мгновенно вычисляя вектор угрозы.

— «Власть над Металлом»: Эффективность работы ремонтных нано-дронов увеличена на 25%, скорость восстановления внутренних переборок повышена на 15%.

«Живое Ядро Цитадели... — эхом прокатилась мысль по квантовым ячейкам. — Значит, теперь я не просто капитан, сидящий в кресле мостика. Я и есть этот чертов корабль. От носового броневых тарана до дюз маршевых двигателей».

Осознание было пьянящим, но суровая реальность тут же обрушила на него ледяной ушат системных предупреждений.

[Внимание! Гравитационный градиент планеты Криос нарастает]

[Текущая орбита: Низходящая эллиптическая]

[Высота перицентра: 3 890 км]

[Плотность верхних слоев экзосферы возрастает]

[Трение внешних пластин носового спонсона: температура обшивки повысилась на 42 Кельвина]

[Скорость падения: 21.2 метра в секунду]

[Время до точки невозврата: 5 часов 14 минут]

Дредноут продолжал падать. Гигантская ледяная планета внизу притягивала к себе десять километров мертвого металла с неумолимой гравитационной силой. Огромные лазурные циклоны Криоса казались разверстой пастью космического чудовища, готового перемолоть титановые ребра «Левиафана» в пыль.

Чтобы жить, нужно было вырваться из этой гравитационной петли. А чтобы вырваться, кораблю требовалась энергия. Чистая, первозданная, колоссальная энергия суб-ядерного синтеза.

«Система, локализация главного реакторного отсека номер один», — отдал приказ Глеб, задействуя внутренние шины данных.

Перед его мысленным взором мгновенно раскрылась трехмерная проекция внутренних отсеков. На глубине восьмисот метров под броневой цитаделью, в самом сердце центральной инженерной секции К-09, находилась пещера реакторного зала.

Ее масштабы потрясали: зал был высотой в двести метров и шириной почти в полкилометра. В центре этого циклопического пространства, удерживаемый восемью массивными пилонами магнитных компенсаторов, парил тороидальный реактор суб-ядерного синтеза. Толстые кольца из темного сплава были опутаны километрами кабелей толщиной со стволы вековых дубов. Сейчас колосс был мертв. Магнитные ловушки отключены, форсунки впрыска дейтериево-гелиевой смеси заблокированы застывшими клапанами, а температура внутри реакционной камеры приближалась к абсолютному нулю.

[Диагностика суб-ядерного реактора №1:]

[Камера первичного плазменного сжатия: Целостность 74.3%]

[Остаточный объем дейтериевого топлива в крио-танках: 142 тонны]

[Магнитные стабилизаторы: Разряжены, проводимость шин снижена]

[Для инициации термоядерной реакции требуется импульс высокой плотности]

[Требуемая мощность импульса зажигания: 45 000 киловатт-секунд]

[Доступный аварийный заряд резервных конденсаторов командного мостика: 48 200 киловатт-секунд]

[Предупреждение: В случае неудачного запуска остаточный заряд мостика будет полностью исчерпан, что приведет к обесточиванию кристаллической матрицы антиматерии и окончательной гибели сознания Командора]

Глеб на мгновение замер. Ставки были предельно просты. Пан или пропал. Если конденсаторы мостика опустошатся впустую, его сознание погаснет в кристалле навсегда, превратившись в замерзшую строчку мертвого бинарного кода. Если же искра зажжет реактор — гигант оживет.

«У нас нет другого выхода. Рассчитать оптимальный угол распыления дейтерия. Начать предпусковой прогрев магнитных компенсаторов по дуге "Альфа"», — скомандовал он.

Мысли Глеба текли с невероятной быстротой. Он больше не нуждался в клавиатурах, переключателях или медлительных голосовых командах. Его воля транслировалась напрямую

в управляющие контуры. Он ощущал сопротивление каждого окислившегося медного контакта, каждую микротрещину в магнитных соленоидах.

В глубине машинного зала с глухим, стонущим скрежетом дрогнули многотонные створки подачи крио-топлива.

Слой векового инея осыпался с пилонов реактора, взлетая в невесомости серебристыми снежинками. Из сопел форсунок в вакуум реакционной камеры с шипением брызнули микроскопические гранулы замороженного дейтерия и трития.

[Нагнетание давления в камере сжатия: 1.2 атмосферы]

[Позиционирование топлива завершено]

[Активация аварийных разрядников мостика через: 3... 2... 1...]

[РАЗРЯД!]

Глеб почувствовал это так, будто через его собственную нервную систему пропустили молнию чудовищного напряжения.

Вся накопленная за тысячелетия аварийная энергия командного узла хлынула по магистральным шинам вниз, в чрево инженерного сектора. Свет на мостике, и без того тусклый, мигнул и погас, погружая обсидиановый саркофаг в полный мрак. Кристаллическая матрица внутри обелиска задрожала от падения напряжения, ее сапфировый свет начал угасать, съеживаясь до размеров макового зернышка.

«Держись... держи поле, черт тебя дери!» — взревел Глеб внутри своего машинного естества, бросая весь свой командный пул воли на удержание геометрии магнитного сжатия.

В реакционной камере вспыхнула ослепительно-фиолетовая искра.

Она метнулась к облаку дейтерия. На долю секунды показалось, что ничего не произошло — холодный газ лишь рассеял разряд, грозя поглотить последнюю надежду дредноута. Но затем квантовые сенсоры зафиксировали лавинообразный скачок плотности.

Ядра водорода преодолели кулоновский барьер. Началась реакция термоядерного синтеза.

БАМ!

Глухой, утробный удар потряс десятикилометровый корпус «Левиафана». Это не был звук — в вакууме звук не распространяется, это была механическая вибрация миллиардов тонн металла, отозвавшаяся в каждом броневом листе корабля.

В чреве тора родилась крошечная, яростно ревушая рукотворная звезда. Сгусток высокотемпературной плазмы, нагретый до пятидесяти миллионов градусов, закрутился в магнитной петле, словно пойманный в клетку огненный дракон.

[Внимание! Термоядерная реакция стабилизирована]

[Магнитные ловушки реактора №1 замкнуты]

[Теплообменники контура охлаждения выходят на рабочий режим]

[Генераторы магнитогидродинамического преобразования: запуск]

[Энергетический приток: 10 000... 50 000... 250 000 мегаватт]

[Текущая выходная мощность реактора: 1.4% от проектного максимума]

[Реактор суб-ядерного синтеза №1: АКТИВЕН]

Это было биение сердца. Первое настоящее биение сердца за десятки тысяч лет могильного покоя.

Энергия, подобно живительному огню, хлынула по пересохшим металлическим жилам корабля. По главным энергошинам побежали гигаватты мощности.

Глеб ощутил непередаваемый экстаз пробуждения. Это было похоже на то, как умирающий от жажды человек делает первый жадный глоток студеной родниковой воды. Кристаллическая матрица антиматерии в саркофаге мостика вспыхнула яростным, слепящим лазурным сиянием. Ее вычислительные каналы наполнились безудержной мощью.

В темных, покрытых льдом коридорах палуб одна за другой начали вспыхивать тусклые аварийные лампы янтарного света. Зашуршали приводы вентиляционных заслонок. Ожили контуры локальной гравитации — пока лишь на десятую долю нормы, но парящие в воздухе обломки и пепел с сухим шелестом осели на металлические решетки палуб.

[Системное оповещение: Доступна базовая функциональность ремонтных систем]

[Обнаружен локальный терминал фабриката на палубе D-12]

[Запас сырьевых наноматериалов в бункерах: 840 килограммов]

[Инициализация пробуждения ремонтных дронов...]

В полутора километрах от командного мостика, в герметичном боксе вспомогательного инженерного отсека D-12, шелкнули пневматические замки.

Массивные бронированные плиты стен разошлись в стороны. Внутри ячеек хранения спали металлические создания, похожие на многоногих стальных пауков размером с крупную собаку. На их сочленениях тускло блестели манипуляторы: плазменные микросварки, лазерные резакы, щупы молекулярного напыления и захваты высокого давления.

Глазные сенсоры первого ремонтного дрона вспыхнули рубиновым светом.

[Ремонтный дрон «Скорпион-М4», серийный номер 01: активен]

[Дрон 02: активен]

[Дрон 03: активен]

[Дрон 04: ошибка сервопривода левой опоры, перевод в режим ограниченной мобильности]

[Дрон 05: активен]

[Сформировано ремонтное звено «Альфа-1» (4 активных единицы)]

[Ожидание директив Командора...]

Глеб мгновенно переключил часть своего внимания на датчики дронов. Он словно обрел четыре новые руки и ноги. Дроны прыгнули со своих зарядных платформ на металлический настил палубы, цокая твердосплавными коготками.

«Звено "Альфа-1", первоочередная задача — герметизация силовых шин контура В-7 и очистка фильтров охлаждения вспомогательных маневровых сопел», — скомандовал Глеб, отправляя паукообразным машинам трехмерный маршрут.

Стальные машины тут же слаженно развернулись и стремительно поползли по стенам и потолку технического тоннеля, направляясь к поврежденным узлам. Из сопел их напылителей уже вырывались струи серого полимерного нано-клея, затягивающего мелкие трещины в изоляции.

Но праздновать победу было слишком рано.

[КРИТИЧЕСКОЕ ПРЕДУПРЕЖДЕНИЕ!]

[Высота орбиты снизилась до 3 450 км]

[Вход в верхние слои метановой мезосферы Криоса неизбежен через: 48 минут]

[Аэродинамическое сопротивление возрастает по экспоненте]

[Локальный перегрев носового обтекателя: 640 Кельвинов]

[Риск срыва внешних датчиков дальнего обнаружения: 88%]

«Время вышло, — холодно подумал Глеб. — Если мы не остановим падение сейчас, нас сожжет атмосфера, а останки раздавит многомиллионное давление газового гиганта».

Главные маршевые двигатели супердредноута — титанические сопла на корме, каждое диаметром с футбольный стадион — были мертвы. Их плазменные инжекторы спеклись в монолитный шлак во время древней катастрофы, а топливопроводы были разорваны. Запустить их сейчас, на одном лишь проценте энергии суб-ядерного реактора, было невозможно.

Оставался единственный шанс.

Вспомогательная система ориентации и аварийного торможения. Сеть импульсных маневровых дюз, расположенных по периметру брюшного и носового бронепояса.

Глеб вызвал схему маневровых сопел. Из шестидесяти четырех точек работало лишь двенадцать. Остальные либо лишились питания, либо были заварены намертво аварийными заглушками. Но даже эти двенадцать могли спасти корабль, если выжать из них абсолютный максимум.

«Перенаправить семьдесят процентов вырабатываемой мощности реактора №1 на шины носовых и брюшных маневровых двигателей сектора С и F! — отдал мысленный приказ Командор. — Конденсаторы разгона — на форсированную накачку!»

[Предупреждение: Перегрузка кабельных трасс сектора F составляет 118%]

[Риск термического пробоя изоляции: 31%]

[Игнорировать риск? (Да / Нет)]

«Игнорировать! Выполнять!» — рявкнул Воронов.

Глубоко в бронированном чреве правого борта загудели силовые трансформаторы. Сверхпроводящие кабели начали нагреваться, испаряя намерзший за века конденсат. По внутренним переборкам поползли клубы белого пара.

На внешнем корпусе дредноута, обращенном к бушующему лазурному диску Криоса, с шипением разошлись массивные стальные заслонки маневровых колодцев. Внутри сопел вспыхнуло голубоватое плазменное свечение предпускового розжига.

[Маневровые дюзы готовы к залповому импульсу]

[Баллистический расчет вектора тяги завершен]

[Угол компенсации гравитационного вектора: 34.2 градуса]

[Запуск через: 3... 2... 1...]

[ИМПУЛЬС!]

Из двенадцати брюшных сопел супердредноута с оглушительным, беззвучным в вакууме яростным ревом вырвались многокилометровые струи ослепительно-белой плазмы.

Колоссальная сила противодействия ударила по корпусу корабля. Десять миллионов тонн металла застонали от чудовищной механической нагрузки. Глеб почувствовал эту перегрузку каждой своей палубой, каждой шпангоутной балкой, каждой заклепкой в броневом поясе. Силовые швы трескали, предупреждающие сигналы о локальных деформациях переборок заполнили периферию его интерфейса багровыми точками.

Но гигант выдержал.

Исполинская туша дредноута медленно, неохотно, словно просыпающийся от векового сна левиафан, начала задирать носовой таран вверх, уходя от гибельной траектории спуска.

[Фиксация параметров орбиты...]

[Скорость снижения падает: 15 м/с... 8 м/с... 2 м/с...]

[Вектор направленного ускорения стабилизирован]

[Снижение орбиты ПРЕКРАЩЕНО]

[Текущая высота над границей тропосферы: 3 412 км]

[Формирование квазистабильной круговой орбиты ожидания...]

[Орбитальный период: 14 часов 22 минуты]

Плазменные факелы маневровых двигателей плавно угасли, оставив за кормой тающие шлейфы ионизированных частиц.

«Левиафан-01» больше не падал.

Он летел. Изувеченный, покрытый шрамами древней войны, со слепыми орудиями и едва теплящимся пульсом единственного реактора — но живой. Он закрепился на орбите ледяного великана, превратившись из обреченного космического мусора в грозный сторожевой форпост.

[Поздравляем, Командор!]

[Критическая угроза гравитационного коллапса устранена]

[Получено системного опыта: +2 500 единиц]

[Текущий уровень Живого Ядра: 1 (2 500 / 10 000 до уровня 2)]

[Энергетический баланс стабилен на уровне: 1.4%]

[Функциональность систем корабля повышена до: 3.1%]

Глеб Воронов — человек, потерявший свое брненное тело, но обрехший бессмертие в холодном камне и стали — перевел оптические сенсоры на бескрайний океан звезд.

Там, в темноте пустоты, мерцали далекие созвездия сектора Тау-9. Где-то там жили миллиарды людей, плелись интриги звездных корпораций, вели свои жестокие рейды пиратские кланы. Никто из них еще не знал, что дрейфующий в поясе астероидов мертвый призрак открыл глаза.

И что его первое биение сердца станет прелюдией к величайшей буре в истории сектора.

«Первый шаг сделан, — холодно зафиксировал Глеб. — Теперь пора заняться домом. И подготовиться к тем, кто обязательно придет пожить в мертвечине».

Словно в ответ на его мысли, сенсорный массив дальнего обнаружения на самом кончике носового шпиля дредноута уловил слабое возмущение гравитационного фона. Кто-то только что вышел из подпространственного перехода на границе астероидного кольца. И этот «кто-то» шел прямым курсом на тепловую сигнатуру оживающего «Левиафана».

Глава 4. Незванные гости

В оптических сенсорах дальнего обзора, расположенных на скошенных броневых гранях спонсона «Левиафана», крошечная точка в темноте превращалась в уродливый силуэт боевого корабля.

Это был рейдерский корвет типа «Гиена» — распространенная на окраинах лоханка, кустарно собранная на пиратских верфях из останков рудовоза. Корпус был усилен листами из неочищенной стали, наваренными прямо поверх швов. На месте манипуляторов торчали самодельные спаренные плазменные пушки и подвесы для древних ракет. На облезлом, покрытом копотью борту белой краской было намалевано оскаленное клыкастое чудовище, а под ним красовалась надпись: «Черный Клык».

Корвет принадлежал мародерам из печально известного пояса Саргассов — бродячим падальщикам, стервятникам глубокого космоса, промышлявшим грабежом брошенных орбитальных станций, добиванием подбитых торговцев и безжалостной работоторговлей.

Они вышли из гравитационной тени блуждающего астероидного роя, привлеченные недавней яркой вспышкой маневровых двигателей дредноута. Для их примитивных коротковолновых радаров десятикилометровый исполин Предтеч казался просто колоссальной мертвой скалой, на которой от векового дрейфа по орбите внезапно закоротило остаточный конденсатор или взорвался старый топливный бак. В примитивном сознании пиратского главаря эта вспышка означала лишь одно: древний склеп, спавший миллионы лет, приоткрыл свои двери. А внутри него прятались несметные сокровища исчезнувшей цивилизации, способные сделать любого нищего космического бродягу богаче планетарного губернатора.

«Черный Клык», хищно и жадно припав к брюшной части исполина, медленно гасил встречную инерцию с помощью импульсов маневровых газовых сопел. По сравнению с циклопической громадой «Левиафана» двадцатиметровый корвет выглядел крошечной, назойливой блохой, решившей пожить в крови гигантского титана.

Глеб Воронов наблюдал за их приближением с ледяным, абсолютным спокойствием кристаллического машинного разума. В нем больше не было страха, не было дрожи в коленях и сухости во рту — всех тех биологических реакций, что сковывали его при жизни, когда он прятался в сырых окопах под артобстрелом. Теперь он видел мир в безупречных цифрах, векторах скоростей и вероятностных графиках.

[Внимание! Зафиксировано опасное сближение неопознанного судна]

[Классификация: Легкий штурмовой корвет кустарной модификации]

[Энергетический профиль цели: Нестабильный термоядерный реактор малой мощности]

[Вооружение цели: Спаренная кинетическая турель калибра 45-мм, курсовой плазменный резак промышленного типа, две направляющие неуправляемых ракет]

[Дистанция сближения: 850 метров... 400 метров... 120 метров...]

[Точка предполагаемого контакта: Внешний грузовой шлюз сектора D-12]

«Слишком самоуверенны, — холодно зафиксировал Глеб, анализируя траекторию пиратского корыта. — Никакой предварительной разведки легкими зондами, никакой маскировки сигнатуры. Они абсолютно убеждены, что этот титан — просто десять кубических километров мертвого металлолома».

С глухим металлическим ударом, отзывавшимся отчетливой вибрацией в броневах шпангоутах правого борта, корвет выбросил четыре тяжелых гидравлических захвата. Заостренные магнитные гарпуны с силой вонзились в стыковочные пазы древнего шлюзового люка D-12, осыпая обшивку снопом искр. Следом за ними с брюха «Черного Клыка» развернулась гибкая гофрированная труба переходного посадочного тамбура, оснащенная вакуумными присосками. Она с шипением герметично присосалась к внешней плите бронезатвора дредноута.

В узле радиоперехвата Глеба, где квантовые декодеры перехватывали любые электромагнитные колебания в радиусе тысячи километров, с треском ожила открытая волна пиратской связи. Шифрованием мародеры себя даже не утруждали, чувствуя себя полными хозяевами в мертвом секторе.

— ...слышишь меня, Гвоздь? Давай цепляй намертво, перегрузи магниты! — хрипел в эфире тяжелый, прокуренный бас главаря, перемежаемый хрипами помех дешевого передатчика. — Если эта глыба качнется, нас размажет по обшивке в лепешку!

— Не качнется, Барон, зуб даю! — отозвался второй голос, тонкий, визгливый и захлебывающийся от жадности. — Сканеры показывают ноль активности в основном энергопоясе! Радиаторы холоднее вакуума, там железо мертвое уже тысячи лет! Мы сорвали банк, Барон! Первые, понимаешь?! Тут одного титана и фазового сплава на миллиарды кредитов! А если вскроем арсенал Предтеч... да сам Синдикат Ржавчины нам в ноги кланяться будет!

— Заткни пасть, слюни подбери и готовь плазменные резаки, — грубо оборвал его главарь. — Шевелите копытами, рвань! Штурмовая группа, первая шеренга — на выход! Если найдем рабочие ядра Древних — живыми нас отсюда никто не отпустит, корпораты за такой приз весь линейный флот мобилизуют. У нас ровно четыре часа, чтобы вырезать все ценное и убраться в пояс!

Глеб активировал внешние обзорные камеры, скрытые в нишах бронеплит шлюзового узла сектора D-12.

Из гофрированного тамбура корвета на внешнюю площадку шлюза один за другим выбрались двенадцать вооруженных головорезов. На них были надеты тяжелые вакуумные скафандры глубокого бурения — грубые, залатанные, обвешанные кустарными броневыми щитами от штурмовых ботов. В руках они волокли массивную платформу с мобильным плазменным генератором и толстые шланги промышленных автогенов. За спинами наемников покачивались автоматические карабины, дробовики для зачистки тесных помещений и массивные вибротопоры с зубчатыми кромками.

Они подтащили сопла резаков к многослойному внешнему люку шлюза. Раздался пронзительный вой турбин высокого давления, и на полированную поверхность древней композитной брони брызнул ослепительно-белый факел концентрированной водородной плазмы с температурой в двадцать тысяч градусов.

[Внимание! Зафиксировано высокотемпературное термическое воздействие на внешнюю створку шлюза D-12]

[Скорость деградации верхнего броневоего слоя: 0.08 миллиметра в секунду]

[Расчетное время прожога первичного запорного механизма: 14 минут 18 секунд]

[Активирован системный протокол обороны: «Стальной Заслон»]

[Запрос системы: Желаете ли вы активировать протоколы внешнего уничтожения нарушителей?]

Перед внутренним мысленным взором Глеба раскрылось тактическое меню доступного вооружения корабля.

[Текущий оборонительный статус супердредноута «Левиафан-01»:]

— Орудия главного калибра (Сверхтяжелые рельсотроны 800-мм): Обесточены. Боезапас заблокирован в арсенальных трюмах палубы 400.

— Противокорабельные торпедные шахты: Контуры наведения разрушены, заслонки заклинены.

— Батареи ближней ПВО: Лишены централизованного энергоснабжения, сенсорные головки деактивированы.

— Внутренняя система противодействия abordажу (Сектор D-12):

* Скользящие монолитные гермозатворы из композита класса «Цитадель»: Активны (100% готовность).

* Локальные гравитационные пластины палубы D-12: Работоспособны (требуется перенаправление мощности с реактора).

* Скрытые потолочные турели ближней обороны «Игла-4»: 2 единицы в режиме ожидания.

* Резервуары аварийного стравливания атмосферы: Заполнены вакуумными клапанами.

«Уничтожить их снаружи? — мгновенно просчитал варианты Глеб. — Внешние орудия все равно не запитаны. Конечно, я мог бы подать импульс на брюшное маневровое сопло номер четыре и испепелить их хлипкий корвет раскаленной реактивной струей прямо на стыковке. Но какой в этом смысл?»

Его новый, кристаллический разум работал с хирургической прагматичностью. Человеческие эмоции уступили место холодной стратегии выживания.

Корвет пиратов был настоящей сокровищницей для покалеченного дредноута. В его баках плескалось неочищенное, но вполне пригодное термоядерное топливо. На его борту были генераторы, компрессоры, тысячи литров жидкой плазмы, аккумуляторы, фильтры, боеприпасы и целые тонны редких металлов, которые ремонтные дроны «Левиафана» могли пустить на переплавку. Если сжечь «Черный Клык» в космосе, ценнейшие ресурсы разлетятся радиоактивным мусором по аккреционному диску Криоса.

Но если позволить наемникам войти внутрь...

Они сами маршировали в ловушку. Жадные, самоуверенные, опьяненные иллюзией безнаказанности.

«Отставить внешнюю реакцию, — отдал ментальный приказ Воронов. — Полностью заглушить любые аварийные сигналы на контуре шлюза D-12. Перевести локальные датчики в режим глубокой системной комы. Создать видимость полностью обесточенной, дрейфующей конструкции».

[Директива принята, Командор]

[Энергия с внешних сенсорных узлов шлюза D-12 снята]

[Протокол маскировки: Пассивное металлическое сопротивление активно]

Мародеры снаружи взревели от дикого торжества, когда плазменные резакі наконец проплавили пятидесятисантиметровый замок внешнего люка. Из пробойны с яростным шипением

вырвалось облачко замерзшего конденсата, мгновенно превратившееся в космическом вакууме в сверкающий вихрь ледяных кристаллов.

— Есть пробой! Замки сорваны! — орал в гарнитуру пиратский механик. — Люк отходит! Тащите гидродомкраты, разжимайте створки к чертовой матери!

Тяжелые трехтонные гидравлические распорки со стоном и скрежетом вонзились в оплавленные края щели. Створки древнего шлюзового затвора, весившие десятки тонн, начали медленно расходиться в стороны. Глеб намеренно ослабил давление в контуре противодействия, позволяя пиратам верить, будто их примитивные инструменты побеждают древний механизм Предтеч.

В темное чрево шлюзового шлейфа палубы D-12 осторожно ступили первые мародеры.

Глеб неотрывно наблюдал за каждым их движением. Сотни скрытых микрооптических ячеек, вмонтированных в титановые перекрытия стен и замаскированных под обычные монтажные заклепки, передавали сверхчеткое трехмерное изображение прямо в его процессорное ядро. Он чувствовал мерный ритм их шагов через вибрацию палубных решеток. Он слышал даже тяжелое дыхание наемников в шлемах.

Это были отпетые головорезы. У предводителя шайки — двухметрового мускулистого громилы с позывным Барон — правая сторона черепа и шея представляли собой грубый металлический протез с мерцающим багровым окуляром вместо глаза. Поверх поношенного скафандра на нем висели массивные пластины десантной брони, снятые с трупов имперских гвардейцев, а на бедре покачивалась тяжелая кобура с крупнокалиберным плазменным пистолетом. В левой руке он сжимал вибрирующий топор с зазубренным лезвием.

— Чисто! Воздуха нет, вакуум абсолютный! — выкрикнул первый вошедший боевик, нервно водя дулом автоматического карабина по темноте отсека. Мощный нашлемный фонарь выхватывал из мрака циклопические ребристые стены и свисающие с потолка связки кабелей. — Тут тихо, как в гробу! Гравитация на нуле, держитесь за монтажные тросы!

— Барон, температура минус сто сорок градусов по Цельсию, — сообщил техник, сверяясь с мигающим ручным сканером. — Все энергосети мертвы. Ни одного активного узла! Тут все вымерло еще до того, как наши деды родились!

— Заткнись и не расслабляйся, — прохрипел Барон, тяжело перебирая руками по стенным поручням и продвигаясь вперед по невесомости. Его красный кибернетический глаз сканировал коридор. — Смотрите в оба. Ищите люки технического лифта или переход в центральный командный узел. Если наткнетесь на спящих дронов — сразу глушите импульсными ЭМИ-гранатами. Двигаем к распределительному вестибюлю!

Вся абордажная группа из двенадцати человек постепенно втянулась в глубину палубы D-12.

Это было исполинское помещение распределительного вестибюля, когда-то служившее перевалочным пунктом для тяжелой бронетехники Предтеч. Коридор имел ширину более пятнадцати метров и высоту около восьми. По обеим сторонам вздымались монолитные пятигранные колонны из темного сплава, исписанные древними геометрическими пиктограммами. В полу были утоплены глубокие рельсовые пазы для магнитных платформ. Впереди коридор разделялся на три изолированных рукава: левый уходил к складским терминалам, правый вел к шахтам охладителей реактора, а центральный упирался в массивную бронированную переборку шлюза номер три.

Именно в эту тупиковую зону они и продвигались, растянувшись неровной цепочкой.

Глеб терпеливо ждал. Он ждал ровно до тех пор, пока последний наемник не переступил порог шлюзовой камеры. У самого внешнего люка остался лишь один часовой — щуплый пират с ручным пулеметом, который с опаской поглядывал наружу, в бездонную пустоту космоса.

«Все внутри, — констатировал Глеб. — Вы сами выбрали свой конец, стервятники».

[Команда Командора: Полная изоляция отсека D-12]

[Опустить гермозатворы контура «Омега»!]

ГРОХОТ!

Звук был настолько чудовищным, что он передался не по воздуху, а через металл палубы прямо в подошвы магнитных ботинок абордажников, заставив их закричать от неожиданности.

Позади них, прямо перед носом ошеломленного часового, с потолочной ниши с громоподобным скрежетом рухнула многотонная бронированная гермоплита толщиной в шестьдесят сантиметров. Она с чудовищной силой вошла в пазы пола, намертво отсекая шлюзовую вестибюль от переходного тамбура «Черного Клыка». Металл дрогнул, и по полу прокатилась вибрационная волна, от которой нескольких пиратов подбросило в невесомости.

Мгновением позже такие же исполинские заслонки с тяжелым гулом обрушились на левое и правое ответвления коридора.

Двенадцать мародеров оказались замурованы в бронированном каменном мешке длиной в восемьдесят метров. Без единого выхода. Без связи с внешним миром.

— Какого хера?! — истошно заорал часовой, со всей дури колотя прикладом пулемета по монолитному титану гермозатвора. — Барон! Шлюз упал! Нас отрезало! Нас заперли к чертовой матери!

— Всем заткнуться! — рявкнул Барон, но в его механическом голосе впервые прорезался неподдельный ужас. — Это аварийная автоматика... Чертовы датчики среагировали на тепло! Гвоздь, тащи термит! Взрывай петли переборки, живо!

Но Глеб Воронов не собирался давать им ни секунды на передышку.

[Перенаправление мощности суб-ядерного реактора №1 на локальные силовые шины сектора D-12]

[Выделенная мощность: 850 киловатт]

[Инициализация локальных гравитационных генераторов палубы...]

Под высоким сводчатым потолком коридора с яростным шипением вспыхнули длинные полосы аварийного освещения. Вместо тусклого желтого цвета они озарили гигантский зал зловещим, пульсирующим багровым сиянием боевой тревоги.

И в эту же секунду Глеб активировал гравитационную ловушку.

Обычно гравитационные пластины кораблей поддерживали комфортную земную норму в одну единицу g. Но древние генераторы Предтеч конструировались для подавления любых биологических форм жизни, представляющих угрозу цитадели.

[Активация режима боевого подавления массы]

[Уровень гравитационного удара: 4.8G]

[Локализация: Палуба D-12, центральный вестибюль]

[Импульс!]

Воздух — вернее, вакуум мертвого коридора — словно сгустился в свинец.

На мародеров обрушилась невидимая, чудовищная гравитационная наковальня. Сила тяжести в помещении мгновенно подскочила почти в пять раз. Каждый из боевиков, весивший в своем скафандре, штурмовых бронежилетах и с боекомплектom около ста сорока килограммов, в долю миллисекунды потяжелел почти до семисот килограммов.

Люди с истошными воплями боли рухнули на холодный решетчатый настил палубы.

Их колени и локти подламывались с сухим треском рвущихся связок и хрустом раздробленных суставов. Тяжелые ранцы систем жизнеобеспечения вдавливали наемников в металл с такой сокрушительной мощью, что под грудными пластинами ломались ребра. Винтовки, карабины и тяжелые плазменные резакы с грохотом вырывало из парализованных пальцев, расплющивая их об пол. Несколько человек мгновенно потеряли сознание от чудовищного прилива крови к нижним конечностям и брюшной полости.

— А-а-а! Мои ноги! Меня ломает! — выл пиратский подрывник, распластанный по полу, тщетно пытаясь вдохнуть воздух из сдавленного баллона.

— Ловушка... — хрипел Барон, судорожно упираясь металлическим кулаком в пол.

Его кибернетическая рука стонала от запредельного напряжения. Встроенные в суставы электромоторы дымились, микрогидравлика протеза плевалась смазкой, пытаясь оторвать его массивный торс от пола хотя бы на несколько сантиметров. Его искусственный красный окуляр бешено дергался в глазнице, анализируя невозможные показания гравиметра.

— Это не авария... Корабль... корабль разумен! Здесь кто-то живой! — захлебывался главарь банды.

«Живой, — беззвучно ответил Глеб, наблюдая за их беспомощным барахтаньем с высоты потолочных ферм. — И очень голодный».

[Разблокировка защитных узлов внутренней безопасности сектора D-12]

[Стационарные турели ближней обороны «Игла-4»: готовность к ведению огня]

[Цели: 12 вооруженных интервентов класса «Паразиты»]

[Режим огня: Полная тактическая ликвидация]

В потолочных панелях над головами распластанных, корчащихся от боли наемников с мягким гидравлическим шипением открылись два скрытых люка.

Из темноты технологических ниш плавно опустились две турели внутренней обороны Предтеч. Это были безупречные, матово-черные полусферы из сверхпрочного сплава, в центре которых хищно поблескивали строенные игловидные стволы электромагнитных импульсных микро-ускорителей.

Сенсорные головки турелей щелкнули. Тонкие, как рубиновые нити, лучи лазерных дальномеров прочертили пространство коридора, равнодушно скользя по шлемам, суставам скафандров и дыхательным клапанам абордажной группы.

На палубе D-12 повисла леденящая душу тишина. Лишь хриплые стоны умирающих под пятикратной перегрузкой людей и треск перегоревших сервоприводов Барона нарушали безмолвие древнего склепа.

Главарь поднял налитый кровью взгляд вверх. Он увидел черные жерла спаренных стволов, увидел безупречную геометрию машины для убийства, созданной за миллионы лет до появления первого человека, и понял всё.

Никаких соковок здесь не было. Здесь была только смерть.

— Поща... — успели прошептать его разбитые губы внутри шлема.

Но у супердредноута не было жалости.

[Огонь на поражение санкционирован Командором]

Стволы турелей окутались лазурными вспышками электромагнитной индукции.

И тишину палубы разорвал оглушительный стрекот гиперзвукового расстрела.

Глава 5. Зачистка палубы D-12

Электромагнитные разгонные соленоиды потолочных турелей взвыли на ультразвуковой частоте. В разреженном, замороженном пространстве вестибюля этот вой превратился в сухой, хлесткий треск, от которого зазвенели массивные бронеовые плиты палубы и задрожали перекрытия.

Из вороненых стволов спаренных оборонительных установок «Игла-4» вырвался шквал вольфрамовых микро-снарядов.

Это не имело ничего общего с хаотичной пулеметной пальбой обычного человеческого пехотного оружия. Древняя боевая система Предтеч вела огонь с расчетливой, математически безупречной точностью. Каждый импульс рассчитывался квантовым процессором в наносекундных интервалах: траектории микро-пуль перекрещивались в пространстве, формируя сплошную смертоносную сетку, намертво перекрывающую любые возможные векторы уклоне-

ния. Тяжелые вольфрамовые иглы длиной в пять сантиметров и толщиной со швейную спицу покидали дульные срезы со скоростью в двенадцать километров в секунду, неся в себе колоссальный запас кинетической энергии.

Первый же залп превратил авангард abordажной группы в кровавое месиво.

Иглы с ужасающей легкостью пробивали самодельные стальные нагрудники, толстые композитные пластины шахтерских скафандров и человеческую плоть, словно ветхую марлю. Воздух из разорванных баллонов систем жизнеобеспечения вырывался с бешеным, яростным шипением, мгновенно окутывая коридор клубящимися белыми парами замерзающего конденсата. Трое боевиков, намертво вдавленных в пол пятикратной перегрузкой, даже не успели понять, откуда пришел удар: их лицевые щитки брызнули тысячами осколков, а тела безжизненно задержались в лужах темной крови, мгновенно закипающей в глубоком вакууме.

— Рассредоточиться! Огонь по потолку! Нас расстреливают! — в слепом бешенстве взревел Барон, перекрывая вой аварийных сирен.

Он был матерым волком сотен кровавых abordажей в поясе Саргассов и обладал звериным инстинктом самосохранения. Несмотря на чудовищный гравитационный пресс, ломавший его органические ребра и разрывавший суставные связи, пиратский главарь ударил кулаком по плечевому щитку. Перед ним с низким гудением раскрылась мерцающая бирюзовая полусфера персонального дефлекторного поля. Вольфрамовые иглы турелей с треском забарабанили по силовому барьеру, выбивая ослепительные снопы лазурных и фиолетовых искр. Генератор щита на спине наемника раскалился докрасна за считанные секунды, датчики перегрузки захлебывались паническим писком.

Опираясь на стонущий от нагрузки кибернетический манипулятор, Барон сумел направить вверх тяжелый крупнокалиберный плазменный пистолет.

— Сдохни, древняя рухлядь! — прохрипел он сквозь зубы, с силой вдавливая спусковой крючок.

Сгусток раскаленной фиолетовой плазмы размером с человеческую голову с громоподобным ревом сорвался со ствола и ударил в потолочную нишу рядом с правой турелью. Взрыв сотряс переборки вестибюля, металл обшивки потек и вспучился кипящими пузырями, а взрывная волна опалила сенсорный блок орудия, срезав оптический дальномер. Турель на долю секунды замерла, окутанная едкой гарью.

Двое уцелевших наемников, воодушевленные контратакой командира, попытались подняться на локтях, вскидывая штурмовые карабины и наугад поливая потолок бронебойными пулями. Свинцовые и урановые сердечники рикошетили от композитных перекрытий. Предтеч со звоном колоколов, оставляя лишь крошечные царапины на многовековой броне.

Глеб Воронов, наблюдавший за этой бойней сквозь десятки уцелевших оптических датчиков, ощутил лишь холодное раздражение.

«Бесполезные судороги обреченных паразитов. Вы пришли грабить цитадель, не понимая, что в этом доме каждый миллиметр металла подчиняется моей воле».

Он не собирался тратить драгоценный боекомплект турелей в затяжной перестрелке. Зачем жечь патроны, когда сама физика отсека находилась под его абсолютным контролем?

[Активация тактического протокола: «Вакуумный Молот»]

[Сектор: Палуба D-12, распределительный вестибюль]

[Изменение вектора искусственной гравитации...]

В дальнем конце коридора с протяжным металлическим лязгом распахнулись четыре циклопические решетки системы аварийной декомпрессии.

Глеб мгновенно переписал гравитационные параметры палубных плит. Пятикратная перегрузка, прижимавшая наемников к полу, внезапно исчезла, сменившись резким отрицательным импульсом в минус две единицы g.

— Что за чертовщина?! — истошно взвыл Барон, когда его тяжелая двухсоткилограммовая туша внезапно оторвалась от настила и с огромным ускорением полетела вверх.

Остатки абордажного отряда, оторванные от пола, взмыли к потолочным балкам, словно тряпичные куклы. Силовой щит главаря с размаху ударился о стальной шпангоут и с треском схлопнулся от перегрузки конденсатора. И в ту же микросекунду, когда дезориентированные мародеры беспомощно кувыркались в невесомости под потолком, Глеб ударил гравитацией обратно — вниз, выкрутив мощность компенсаторов на запредельные шесть единиц g!

Тела рухнули на ребристый металл палубы со страшным, сокрушительным грохотом.

Удар был чудовищной силы. У обоих оставшихся наемников мгновенно разорвало внутренние органы, а их позвоночники с хрустом переломились, пробив спинные бронежилеты. Они затихли навсегда, даже не успев осознать собственную смерть.

Выжил лишь Барон. Литой титановый скелет и усиленные армейские аугментации спасли его от мгновенной гибели, но его правая кибернетическая рука вывернулась под неестественным углом, рассыпая пучки порванной проводки и брызгая гидравлическим маслом. Из разбитого забрала шлема хлестала густая кровь, застывая единственный живой глаз, а второй — искусственный красный окуляр — судорожно мерцал, теряя фокус.

Тяжелый плазменный пистолет вылетел из его раздробленных пальцев и со звоном отлетел в дальний угол.

Главарь банды хрипел, захлебываясь собственной кровью, и царапал металлический пол уцелевшей рукой, тщетно пытаясь отползти назад, к запечатанному шлюзу. За ним тянулась широкая багровая полоса.

Левая турель «Игла-4», чей сенсорный модуль ни на секунду не терял цель, плавно повернула строенные стволы на ползущего пирата.

[Цель идентифицирована: Командир абордажной группы]

[Дистанция поражения: 12 метров]

[Завершить ликвидацию нарушителя? (Да / Нет)]

«Уничтожить», — отдал мысленный приказ Глеб.

Короткий, сухой щелчок электромагнитного затвора.

Одинокaя вольфрамовая игла на гиперзвуковой скорости пробила затылочную броню шлема Барона, прошла сквозь ствол мозга и вышла через лобную кость, вонзившись в титановый настил палубы на глубину ладони.

Тело пиратского капитана конвульсивно дернулось и навсегда замерло. Красный свет его кибернетического глаза плавно погас, подернувшись мутной пеленой небытия.

На палубе D-12 воцарилась леденящая тишина. Лишь шипение остаточных паров кислорода из пробитых баллонов нарушало покой стального склепа.

[Боевой контакт на палубе D-12 завершен]

[Угроза абордажа полностью ликвидирована]

[Уничтожено нарушителей: 12 биологических единиц]

[Потери защитных систем: Легкое повреждение кожуха турели №2 (3.4% деградации)]

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.